

А. В. ПОСТНИКОВ

«ПАМИРСКИЙ ВОПРОС» И ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ (англо-русско-афганское разграничение 1894–1896 гг.)

Формирование азиатских границ Российской Империи происходило, как правило, в очень слабо изученных районах, причем географический принцип был определяющим при делимитации и демаркации линии границы, которая обычно назначалась проходящей по хребтам гор, течению рек, тальвегам долин и другим линейным элементам ландшафта. По этой причине географические исследования являлись неотъемлемой частью как подготовки к соответствующим переговорам о границе, так и непосредственного процесса работы международных разграничительных комиссий. Материалы таких географических исследований, а особенно топографических съемок и картографирования, как правило, не публиковались и поэтому весьма плохо известны историкам географии. Целью предлагаемой статьи, наряду с анализом геополитической борьбы России с Англией на Памире, является введение в научный оборот архивных документов по истории географических исследований и съемок в этой высокогорной стране.

Пытаясь поставить какой-то предел продвижению русских в Центральной Азии, Англия уже в 1869 г. выступила с инициативой начать переговоры с Россией о разделе сфер влияния в Центральной Азии и создании буферной зоны между владениями Российской Империи и Великобритании в этом районе*. Переговоры продолжались несколько месяцев. Вначале предполагалось сделать буферной зоной территорию Афганистана. Эта точка зрения не получила поддержки российской стороны, так как Афганистан претендовал на все территории южнее Окса (Аму-Дарьи), в то время как Бухара считала некоторые из районов южнее Окса своими. Россия, в сферу влияния которой входила Бухара, не могла поддержать притязания Афганистана [2, л. 3]. Имевшиеся тогда у министерства иностранных дел Великобритании материалы подтверждали российскую позицию, о чем, в частности, свидетельствуют следующие карты, сохранившиеся в Архиве государственных документов Великобритании (Public Record Office): «Карта части Центральной Азии, показывающая российские владения и прилегающие страны... (1866)»; «Карта для иллюстрации Меморандума (конфиденциального под № 11262) по Афганистану, Туркестану, составленная заместителем секретаря Иностранного департамента правительства Индии Т. Таббойз Уиллером (1869)»; «Военная штабная карта Центральной Азии и Афганистана Уильда (1870-е гг.)» [3]. На этих картах территория Бухары показана распространяющейся на весь Памир.

Русских представителей беспокоила возможность продвижения Афганистана на соседние владения Балха, Кундуза и Бадахшана, в связи с чем от Великобрита-

* Суть этого предложения и результаты предварительных переговоров министра иностранных дел Британии лорда Кларендона с послом России в Лондоне Брунновым изложены в депеше Кларендона, направленной 27 марта 1869 г. послу Англии в России Анрю Бьюкенену и опубликованной в качестве приложения № 3 в книге Геральда Моргана [1, с. 238–240].

нии требовались гарантии сохранения границ Афганистана в том виде, в каком они существовали на момент проведения переговоров, т. е. в 1869 г. [4, л. 9]. В конечном итоге на этом этапе стороны так и не смогли прийти к соглашению.

В конце 1869 г. в Москву прибыл побывавший недавно в Йеттишаре (исламском государстве на территории Синьцзяна — приграничной с Россией провинции Китая) Дуглас Форсайт, и Англия предложила России определить северную границу Афганистана в качестве рубежа, разделяющего сферы влияния двух империй. Россия согласилась, и переговоры о создании буферной зоны между владениями Великобритании и России возобновились. Заметим, что во время переговоров министра иностранных дел России Горчакова с Дугласом Форсайтом последний пытался доказать необходимость официального признания правительством Российской Империи государства Йеттишар и его главы Якуб-бека. На это Форсайт получил решительный отказ, сводившийся к тому, что «хотя этот правитель [Якуб-бек] смог установить свою власть *de facto*, Россия имеет договоры с Китаем и не может вступать в дипломатические отношения с удачливым инсургентом против власти китайского императора» [4, л. 6]. В то же время Горчаков заверил английского посла сэра А. Бьюкзена, что «Аталику Гази нет оснований опасаться России, но русское правительство не имеет отношений с ним, а так как правительство Индии, судя по всему, ведет с ним какие-то дела, Вы можете уверить его официально, от моего имени, что Россия не имеет враждебных намерений по отношению к нему или какого-либо желания заниматься завоеваниями на его территории. Мы также посоветовали бы Аталику Гази воздерживаться от вмешательства в политические дела и ссоры соседних государств» [5, л. 105].

На возобновившихся переговорах дискуссионным был вопрос: «Включает ли Афганистан Бадахшан и Вахан, или его северную границу составляет соединение Кокчи с Оксом?» Британская позиция по этому поводу изложена в следующем письме (от 17 октября 1872 г.) министра иностранных дел Великобритании графа Джорджа Левисон-Гоувера Гранвилля лорду А. Лофтусу:

...Для более полной информации Вашего Превосходительства я изложу позицию правительства Ее Величества по поводу того, какие территории и границы признаются полностью принадлежащими эмиру Кабула, а именно —

(1.) Бадахшан, с зависимым от него районом Вахана от Сарикаля (Озера Вуда) на востоке до слияния реки Кокча с Оксом (или Пянджем), представляющим собой северную границу этой афганской провинции на всем ее протяжении.

(2.) Афганский Туркестан, включающий районы Кундуз, Кульм и Балх, северной границей которых будет линия Окса от слияния с рекой Кокча до поста Ходжа Салех включительно, на дороге из Бухары в Балх. Афганский эмир не будет ничего требовать на левом берегу Окса ниже Ходжа Салех.

(3.) Внутренние районы Акша, Серипуль, Майменат, Шибберджан и Андкой, последний из которых будет крайним пограничным афганским владением на северо-западе, причем пустыни за границей принадлежат независимым туркменским племенам.

(4.) Западная граница Афганистана между зависимым от него Гератом и персидской провинцией Хорассан хорошо известна и не нуждается в определении [6, л. 1–5].

По поручению графа Гранвилля копия этого письма была передана российскому министру иностранных дел графу А. М. Горчакову, который в ответном послании своему британскому коллеге от 7 декабря 1872 г. заявил следующее:

Основатель афганского государства Дост Мухаммед Хан оставил после себя состояние неразберихи, что не позволяет принять за основу те территории, которые были присоединены Афганистаном в отдельные моменты его правления.

Поэтому было согласовано, что надо принимать во внимание лишь те из территорий, ранее признававших власть Дост Мухаммеда, которые все еще находились во владении Шер Али Хана...

Генерал-губернатору Туркестанского края генерал-адъютанту К. П. Кауфману было поручено выяснить, какие же это были реально территории, и его исследование привело к следующим заключениям:

1) На севере Аму-Дарья составляет фактически истинную границу Афганистана от ее слияния с Коктча и до Ходжа Салех. Таким образом, в этой части наши данные подтверждают мнение правительства Ее Британского Величества, и рассматриваемая граница представляется тем более разумной, что она не может вызвать споров со стороны обитателей берегов Аму-Дарьи.

2) К северо-востоку данные, которые мы собрали, представляют место слияния этой реки с Коктча в качестве предела районов, для которых Шер Али Хан является действительным и бесспорным сюзереном. За этими пределами, и особенно в отношении Бадахшана и Вахана, было невозможно найти каких-либо следов подобной власти; напротив, вся наша информация по этому поводу доказывает, что эти районы следует рассматривать как независимые. В сообщении правительства Ее Британского Величества, которое было нам доставлено в ноябре, показано, что, по свидетельству майора Монтомери, эмир Кабула имеет «значительное влияние» в Бадахшане и что афганцы «помогли Махмуд Шаху сместить эмира или правителя этой страны Джехандар Шаха». Но сами по себе эти факты представляются скорее указывающими на реальную независимость Бадахшана, нежели на его абсолютное подчинение эмиру Кабула. Информация, собранная господином Струве и содержащаяся в его Меморандуме, поддерживает это заключение. Действительно, упоминается о вмешательстве афганского эмира во внутренний спор Бадахшана и о попытках с его стороны получить за его поддержку плату в виде своеобразной дани; но нигде невозможно обнаружить признаков, которые в Азии сопровождают осуществление прав сюзерена, например, присутствие в стране афганских чиновников и официальных лиц для сбора налогов. Правители Бадахшана считают себя независимыми правителями, таковыми же их полагают их соседи. Следовательно, основываясь на этих фактах, можно допустить, что эмир Кабула пытался в нескольких случаях подчинить Бадахшан своей власти, что временно он, используя внутренние беспорядки, добивался значительного влияния в стране, основанного на близком соседстве и больших силах; но из этих случаев невозможно вывести наличия реальной и неоспоримой власти сюзерена.

Что касается Вахана, то эта страна представляется вплоть до настоящего времени находящейся даже более в стороне от сферы прямых действий правителей Афганистана.

3) Далее мы должны поинтересоваться, хорошо ли при таком положении вещей и с точки зрения нашей общей цели — установления в этих районах постоянного мира, гарантированного обоими правительствами, — признать притязания эмира Кабула на Бадахшан и Вахан и таким образом включить обе эти страны в территориальные границы Афганистана. Генерал-адъютант Кауфман не думает, что это было бы правильно, и Императорский Кабинет приходит к тому же мнению... Нам представляется более соответствующим этой цели [поддержания мира] позволить сохранить существующее положение вещей. Бадахшан и Вахан, таким обра-

зом, будут представлять собой барьер между северными и южными государствами Центральной Азии, и этот барьер, усиленный объединенными действиями, которые Англия и Россия способны применить в отношении приемлющих их влияние государств, будет эффективно противостоять любым опасным контактам и способствовать, по нашему мнению, обеспечению мира в этих странах настолько, насколько это вообще возможно [6, л. 5–7].

Следует заметить, что в своей справке, предоставленной российскому министерству иностранных дел, генерал-губернатор Туркестанского края барон фон Кауфман опирался на сведения, добытые в Центральной Азии Карлом Струве, причем генерал-адъютант подчеркивал, что намеренно не стал посылать русских офицеров на Памир, в районы, которые обсуждались британским и российским правительствами, чтобы не возбуждать опасений или неоправданных надежд у народов этих стран до подписания соглашения о разделе сфер влияния между двумя империями. В отношении ситуации с Бадахшаном и Ваханом фон Кауфман предупреждал о необходимости учитывать в переговорах тот факт, что в случае признания зависимости этих стран от Афганистана, границы этого государства непосредственно приблизятся к Восточному Туркестану, «и в конечном итоге его северо-восточная граница соприкоснется с владениями Якуб Бека. А это путь, который приведет его к непосредственному столкновению с Россией» [6, л. 9].

Реальная граница владений Афганистана представлялась российскими властям следующим образом:

В строгом смысле этого слова владения эмира Шер Али Хана распространяются на восток лишь до меридиана точки соединения реки Кокча с Аму-Дарьей. Эта линия отделяет Бадахшан и Вахан от провинции Кундуз, которая бесспорно составляет часть владений Шер Али Хана... Насколько мы выяснили из английских сообщений, Афзаль Хан предпринял безуспешную попытку захватить Бадахшан, в результате чего, однако, эмир Бадахшана, для обеспечения безопасности своих владений, обязался платить Дост Мухаммед Хану ежегодную дань в количестве две рупии на каждый дом, а также — передать в его распоряжение месторождения рубина и ляпис-лазури, расположенные на его территории. Эта договоренность, однако, не была выполнена; кончина Дост Мухаммед Хана побудила правителей Бадахшана искать защиты у Бухары..., которой они стали платить ежегодно 15000 рупий (9000 руб.). К востоку от Бадахшана, в верхнем течении Аму-Дарьи расположена малоизвестная страна под названием Вахан. Эта страна иногда называется Дарья-Пянж (Пять Рек), благодаря пяти главным истокам Аму-Дарьи, [она примыкает] к северным границам Памирской степи, которая отделяет ее от Каратегина; на востоке она примыкает к Сарыколу, который принадлежит государству Якуб Бека; на юге она отделена от Техитрара (страны, полностью независимой от Кабула) горами Ноюк-Сан — восточным продолжением Гиндукуша [6, л. 10–12].

Российская сторона утверждала, что Вахан находился в зависимости от Бухары. Сравнивая беспристрастно приведенные российскими представителями сведения с рассмотренными нами выше данными, которыми располагали англичане, нетрудно убедиться, что во многом они вполне соотносились друг с другом. Общим сторонам было ясно, что зависимость Бадахшана и Вахана от Афганистана возникала лишь временно и имела достаточно эфемерный характер. Бесспорное преимущество англичан в этих переговорах заключалось в том, что они к 1870-м гг. знали о Памире и окружающих его странах больше, чем русские, которые были вынуждены опираться во многом на сведения, полученные в Централь-

ной Азии косвенным путем, а также — на информацию, предоставляемую их оппонентами на переговорах, ведущую роль в которых играл «лично знакомый» с Памиром Дуглас Форсайт.

В конце концов русское правительство приняло или, скорее, «не отказалось признать английскую линию демаркации условной границы, которая отдавала Бадахшан и Вахан эмиру Кабула» ([7, л. 3]; см. также [6, л. 15]). Таким образом, в начале 1873 г. между двумя державами была достигнута договоренность, согласно которой крайним восточным пунктом северной границы Афганистана было признано озеро Вуда (Виктория, современное — Зоркуль). Названное соглашение по сути дела не касалось района Памира, лежащего к востоку от этого озера. В 1888 г. лорд Джордж Н. Кёрзон следующим образом охарактеризовал русско-английское соглашение и границу сфер влияния двух империй:

По соглашению Горчакова—Гранвилля 1872–3 гг., единственному дипломатическому акту между Англией и Россией, касающемуся границы в верхнем течении Окса, было решено, что все территории, подчиненные Дост Мухаммеду в момент его смерти в 1863 г., а также те из них, которые фактически принадлежали Шер Али в 1872 г., следует рассматривать как афганскую собственность. По условиям этой договоренности ханаты Бадахшана и Вахана, после небольшой дипломатической борьбы, были уступлены Шер Али, причем их северная граница предполагалась проходящей по тому, что тогда считалось северным ответвлением Окса, а именно — реке Пяндж, берущей начало из горного озера, открытого Вудом и известного под названиями озера Вуда, озера Виктория и озера Сир-и-куль [8, с. 198].

Из приведенного высказывания совершенно очевидно, что точка зрения и права коренного памирского населения не выяснялись и совершенно не принимались во внимание политиками России и Британии, определявшими будущие судьбы этих народов.

Первым картографическим произведением, отобразившим представления англичан о географии районов, являвшихся предметом дискуссий, а также — соглашение о разделе сфер колониального влияния, была составленная капитаном И. Дж. Равенстейном в Топографическом департаменте Военного министерства Великобритании конфиденциальная «Карта части Центральной Азии, включающая страны, расположенные между Российскими Владениями и Британской Индией...» [9]. Много позже граница сфер влияния двух империй нашла отражение на предназначенной для общего использования «Карте северо-западной границы Индии, показывающей Памирский район и часть Афганистана», опубликованной в книге Чарльза Блэка (Лондон, 1893) и перепечатанной во втором издании (1893 г.) «Лондонского атласа всеобщей географии» Джона Эрроусмита [10, с. 116]. Соглашение Горчакова—Гранвилля имело очень длительное и стимулирующее влияние на развитие географических исследований и формирование границ на Памире, тем более что всего лишь через три года после заключения этого соглашения Россия сделала следующий важный шаг в расширении своих среднеазиатских владений: в 1876 г. в состав империи был включен Коканд.

Ситуация на Памире, а также позиции Британии и России перед началом переговоров по разграничению Памира в 1893 г. были детально проанализированы в справке майора Е. Г. Бэрроу «Военная география Афганистана. Часть I — Бадахшан». Для англичан эта страна представляла наибольший интерес, и именно ее территории британские дипломаты придавали важнейшее значение при подготовке переговоров. Как неоднократно подчеркивалось ранее, географический принцип был положен в основу большинства договоренностей по границе России

с Китаем и британскими колониальными владениями в Индии. Причем российские дипломаты в дискуссиях по этому поводу в соответствии с нормами международного права того времени, основывавшегося на теории естественных границ, постоянно подчеркивали важность физико-географических характеристик местности, в частности положение водоразделов, возможности использования хребтов гор и течения крупных рек в качестве четко определяемых и хорошо обороняемых рубежей. Английские аналитики, не отрицая значения этих параметров, в то же время стремились найти в социальной и исторической географии опору для пересмотра договоренностей 1872–73 гг. и «продвижения» границ Афганистана севернее течения Пянджа. Следует заметить, что результаты проведенных для этой цели исследований имели и имеют значение не только как источники для изучения истории «схватки держав» на Памире, но представляют собой также весьма достоверные и детальные материалы по исторической географии памирских княжеств в XIX в. В этом смысле Памиру и смежным с ним районам Центральной Азии благодаря российско-британскому соперничеству «повезло» больше, чем другим удаленным уголкам земного шара. Примером подобного рода источников является созданная майором Е. Г. Бэрроу подробная историко-географическая сводка данных по Бадахшану и Памиру, к рассмотрению которой мы теперь переходим.

При составлении справки Е. Г. Бэрроу использовал полученные им во время многочисленных путешествий по Афганистану, Бадахшану и северным провинциям Индии сведения, а также все те данные, которые были собраны в британском колониальном правительстве Индии в течение предшествовавших 20 лет.

Справка начинается с попытки определения исторических границ Бадахшана. На 1893 г. Бадахшан, в широком смысле этого понятия (т. е. как историческая провинция и княжество), определялся как крайняя северо-восточная часть владений Афганистана за Гиндукушем, причем подчеркивалось, что эта провинция охватывает значительно большую территорию, нежели древнее королевство Бадахшан.

Как в Индии, — продолжает майор Бэрроу, — имеется две Бенгалии — губернаторство и провинция, так и здесь существуют два Бадахшана — политический Бадахшан, который включает узбекскую провинцию Катагана или Кундуза и внешние таджикские государства, известные как Вахан, Шигнан и т. д., и географический или исторический Бадахшан, который расположен между Катаганом и Верхним Оксом... Важность этого района заключается в том факте, что даже теперь это поле для российской интриги — интриги, вслед за которой вскоре может произойти насильственная аннексия — шаг, который мы, вероятно, не в силах предотвратить, как бы горько мы о нем ни сожалели. Выигранная таким образом позиция обеспечит русским безопасную базу, с которой они смогут сеять интриги среди племен, обитающих на южном склоне Гиндукуша, а также — предоставит возможность беспокоить нас путем направления небольших колонн на наш правый или северный фланг для того, чтобы мешать выполнению или влиять на наши операции на основном театре войны [11, л. 1].

Подчеркивая, что границы России и Китая в этом районе еще официально не определены, майор Бэрроу отмечает, что многие годы граница России на картах захватывала на юге лишь бассейн Большого Кара-Куля.

Лишь совсем недавно, — продолжает британский аналитик, — с 1891 г., Россия стала предпринимать активные меры для осуществления своих притязаний на территории к югу от этой давно признанной линии демаркации [майор Бэрроу, конечно, имеет в виду лишь условную, а не делимитированную и демаркиро-

ванную в соответствии с международными договоренностями линию границы. — А. П.]. С другой стороны, Афганистан с 1883 г. de facto владел как Шигнаном и Рушаном, так и Ваханом, в то время как с незапамятных времен эти государства были в определенной мере зависимыми данниками Бадахшана. Оккупация района на правом берегу Окса была, однако, нарушением соглашения Гранвилля—Горчакова от 1873 г., которое определяло Окс, т.е. приток Виктория Пянджа, как северную границу афганских владений. На этом несчастном соглашении Россия строит свою политику, и все предложения по созданию Пограничной комиссии она встречает требованием, чтобы исходный базис переговоров составляло это соглашение [11, л. 3].

Учитывая все предшествовавшие исследования (в том числе Ния Илеяса), майор Бэрроу понимал, что при возобновлении переговоров невозможно будет оспаривать прохождение условной границы сфер влияния Британии и России на том основании, что в момент заключения Соглашения 1873 г. знания о географии районов верхнего течения Аму-Дарьи были недостаточны (в частности, англичанами, как мы видели выше, была окончательно выяснена невозможность «переместить» границу с Пянджа на Мургаб). В связи с этим британский аналитик решил разработать другое «направление наступления» на Соглашение 1873 г., основываясь на экономико- и историко-географических особенностях земледельческих государств, расположенных в долинах горных рек. Развивая это направление, майор Бэрроу старается доказать, что в таких странах река вообще не может быть устойчивой границей, так как оба ее берега часто населены одним и тем же народом.

В нашем конкретном случае, — продолжает майор Бэрроу, — мы поделили Дарваз таким образом, что южный его берег принадлежит Афганистану; часть на северном берегу — Бухаре. Это полностью противоречит фактам. Вся долина Окса от Тагшаба вниз по течению вплоть до Хулдаска по обоим берегам принадлежит и, очевидно, всегда принадлежала Дарвазу, который, в свою очередь, всегда, как считается, был более или менее подданным Бухары. А Рушан и Шигнан, не говоря уже о Вахане, столь же произвольно были разделены на две части Соглашением 1873 г., в то время как фактически никогда один берег реки не находился под властью одного правителя, а другой — под управлением другого. Эти государства всегда были подданными или в той или иной форме союзниками этой провинции, хотя временами они платили дань Китаю; в то время как Бадахшан часто попадал под влияние какой-либо державы на западе, расположенной к югу от Окса, это были либо бывшие миры Кундуза, либо сам Афганистан. Насколько я мог выяснить, ни Шигнан, ни Рушан никогда не были подданными Бухары [11, л. 4].

Выше мы видели, что англичане имели в своем распоряжении некоторые свидетельства былой зависимости этих княжеств от Бухары или Коканда, но майор Бэрроу, судя по всему, либо действительно таких свидетельств не видел, либо предпочел их не упоминать.

Продолжая анализ Соглашения 1873 г. и современной ситуации, британский аналитик подчеркивает, что по этому соглашению осталась совершенно неразделенной территория к востоку от озера Виктория, что, соответственно, создавало необходимость определения статуса этой *ничейной земли* между Ваханом и Китаем в процессе будущих переговоров с Россией. По этому поводу майор Бэрроу констатирует следующее:

В отношении восточной, т. е. афгано-китайской, границы можно сказать только, что какими бы историческими правами на Памир и его киргизское население ни об-

ладал Китай, фактически он редко ими пользовался западнее Тагдумбаш Памира, Ак Су и Ранг Куля, хотя временами они [китайцы] устанавливали посты на западе вплоть до Аличур Памира и водораздела Малого Памира. С другой стороны афганская граница... практически теряется за пределами сельскохозяйственных земель Вахана и Шигнана, и соответственно громадный спорный участок, образуемый Памирами, еще требует демаркации для окончательного определения пределов территорий каждой из трех спорящих сторон [11, л. 5].

При подготовке будущих переговоров майор Бэрроу считает необходимым внимательнейшим образом учитывать национальные особенности народов, населяющих Памир. В общем описании памирского населения он отмечает, в частности, что речные долины этой горной страны населены главным образом таджиками, о которых он пишет следующее:

Они полностью лишены фанатизма и обладают малой энергией и предприимчивостью, так что как народ их можно рассматривать как *quantite negligible* [пренебрегаемую величину]. В то же время нельзя забывать, что они искренне не выносят афганцев и скорее будут поддерживать продвижение русских, нежели ему сопротивляться... Вдобавок к оседлым и населенным частям этих районов... имеются значительные площади памирских земель, которые политически принадлежат либо Вахану, либо Шигнану, хотя точная степень их юрисдикции никогда не была определена [11, л. 9–11].

Рассмотренная нами справка майора Бэрроу, по сути дела, послужила исходной позицией англичан на переговорах по разграничению Памира. Учитывая все сведения, собранные английской разведкой и службой генерал-квартирмейстера британской армии в Индии,

в феврале [1893 г.] британское правительство обратилось к России с конкретным проектом решения вопроса, предлагая назначить совместную англо-русскую комиссию, к которой в качестве, согласованном между двумя державами, следует подключить афганского эксперта и которой следует поручить, придерживаясь линии Окса в качестве основного направления границы, определить географические и исторические пределы Бадахшана и Вахана, а также — Бухары, поскольку последняя претендует на территорию на левом берегу Окса; [ей следует] также сообщить о фактическом развитии событий на обоих берегах реки с момента аннексии Дарваза Бухарой, а Шугнана и Рушана — Афганистаном. *Status quo* между этими государствами необходимо сохранять настолько это возможно. В отношении Вахана комиссии следует установить его восточную границу, а также изучить географические условия Памиров, чтобы справедливо решить, какие их части попадают в сферу влияния Великобритании [12, л. 193].

К осени 1893 г. англичане получили согласие Афганистана на эти общие предложения по ходу разграничения Памира. Достигнутую договоренность отображает «Карта, иллюстрирующая соглашение, подписанное в Кабуле в ноябре 1893 г. его высочеством эмиром Афганистана и сэром М. Дьюрандом» [13].

Переговоры Британии с Россией продолжались около двух лет, причем российской сторона проявила наибольшую неуступчивость в отношении самой южной части границы, настаивая на неукоснительном соблюдении соглашения 1873 г. Наконец в марте 1895 г. Британия приняла принципиальную позицию России в этом отношении, а в остальном стороны смогли достигнуть компромисса:

Между британским и русским правительствами был осуществлен обмен нотами, завершающими заключение Памирского соглашения. Достигнута договоренность о том, что эмиру следует освободить все районы, удерживаемые им к северу от Пянджа, получая в обмен все районы Дарваза, расположенные к югу от этой реки. От точки вблизи восточного края озера Виктория линия границы пойдет по гребню горного хребта, протягивающегося несколько к югу от параллели озера, до перевалов Бендерского и Орта Бель. Оттуда линия будет проходить по тому же хребту до тех пор, пока он будет оставаться к югу от параллели указанного озера. По достижении этой параллели она спустится с гребня хребта в направлении Кизил Робата на реке Аксу, если будет выяснено, что это место не расположено севернее широты озера Виктория, и оттуда она будет продолжена в восточном направлении до достижения китайской границы. Если будет обнаружено, что Кизил Робат расположен севернее широты озера Виктория, линия демаркации будет проведена до ближайшей удобной точки на реке Аксу к югу от этой параллели и оттуда продолжена таким же образом, как указано выше. Правительство Ее Величества и российское правительство договорились воздерживаться от использования какого-либо политического влияния или контроля соответственно к северу или югу от этой линии демаркации, и британское правительство взяло на себя обязательство в том, что на этом участке страны не будет установлено каких-либо военных постов или фортов и он будет составлять часть территории Его Величества эмира [Афганистана] [14, л. 4].

28 марта 1895 г. вице-король Индии направил в адрес эмира Афганистана письмо с изложением сути российско-британской договоренности. Эмир согласился с таким урегулированием вопроса, но потребовал от Англии денег на содержание администрации «афганского треугольника» на Памире. Британскому колониальному правительству Индии ничего не оставалось делать, как взять на себя расходы по размещению, вооружению и довольствию афганских отрядов на левом берегу Пянджа [15, л. 1–2].

Британская часть Пограничной комиссии выступила из Индии 20 июня 1895 г. Комиссию возглавлял генерал-майор М. Дж. Герард (*M. G. Gerard*); в его команду входили офицеры-топографы — полковник Т. Х. Холдич (*T. H. Holdich*); майор Р. А. Вахаб (*R. A. Wahab*); офицер разведки, капитан Е. Ф. Х. МакСуиней (*E. F. H. McSwiney*) — секретарь комиссии и комендант; хирург и натуралист капитан А. У. Алкок (*A. W. Alcock*). Помимо этого для проведения топографических съемок к комиссии были прикреплены пундиты Хан Сахиб Абдул Джафар (*Khan Sahib Abdul Ghaffar*), Асматулла Хан (*Asmatulla Khan*) и Дан Синг (*Dan Sing*) с 29 носильщиками. Военный конвой комиссии состоял из 10 офицеров-туземцев и сипаев, а вместе с солдатами-топографами они составляли отряд из 19 человек. Транспортировку комиссии обеспечивал караван, включавший около 800 кашмирских пони. В число топографических и метеорологических инструментов, помимо мензул индийского производства, входили восьмидюймовый теодолит-универсал, шестидюймовый теодолит-тахеометр, один ртутный и два барометра-анероида, максимальный и минимальный термометры, две фотокамеры, печатная аппаратура для воспроизведения карт, мерные цепи и жезлы. Восьмидюймовый теодолит использовался для астрономических определений координат и триангуляции, шестидюймовый применялся для работ на вершинах, куда невозможно было доставить астрономический универсал. Показания анероидов считывались дважды в день для установления небольших разниц в превышениях. Для определения абсолютных высот точек и значительных превышений применялся ртутный баро-

метр Джорджа, но только начиная со станции в Михманьоле, где регулярные наблюдения велись с 18 августа по 12 сентября. Основные определения высот производились путем тригонометрического нивелирования посредством теодолита (из измерений вертикальных углов) [16, с. 12–13, 46].

Съемка началась 21 июня в Кашмире. До перевала Даркот в распоряжении английских топографов имелись материалы предыдущих детальных съемок,

за этой точкой карты Памира и долин Верхнего Окса, что касается материалов британских исследователей, основывались на маршрутных съемках капитана Троттера во время Яркендской миссии 1873 г., которые опирались исключительно на астрономически определенные широты и долготы, а также на съемках полковника Вудторпа во время Читральской миссии 1885 г., с добавлением маршрутов и набросков, предоставленных офицерами Разведывательного департамента и независимыми путешественниками. Никто из них не предоставлял какой-либо топографической информации вне пределов тех маршрутов, по которым они следовали, и, за исключением тщательно выполненного полковником Вудторпом теодолитного хода через перевал Килик вниз по долине Вахана до Кила Пянджа, никакой [из маршрутов] не имел прямой связи с индийской триангуляцией [16, с. 46].

Топографы и геодезисты британской съемочной партии передавали координаты индийской триангуляции главным образом путем засечек горных вершин с точек с известными координатами, измерением промежуточных базисов и развитием на их основе цепей треугольников. Прежде всего были выбраны точки на Гиндукуше: «Подходящая станция была найдена на вершине, расположенной немного севернее перевала Барогил, с которой был виден Сархад, и здесь фактически началась работа топографической партии» [16, с. 47]. Отсюда визировались пики по обе стороны долины Сархад. Другой пункт был определен в лагере Зартигар (*Zartigar*), координаты которого были получены путем прокладки небольшой цепи треугольников и измерения промежуточного базиса. Подобная методика была использована позже в лагере Бозай Гумбаз и на западной оконечности озера Чакмактин. На перевале Даркот топографы начали прокладку тригонометрической цепи для соединения индийской триангуляции с русскими съемками и обеспечения точного определения координат исходной точки пограничной съемки: «В глубоком снегу на высшей точке перевала топографы выполнили первый круг наблюдений с целью передачи [координат] индийской триангуляции через Гиндукуш. В то время казалось вероятным, что это последняя возможность посчитать белоснежные пики Гималайского и Гилгитского хребтов и получить некий точно определенный исходный пункт для памирской пограничной съемки» [16, с. 15]. Далее отряд пошел по «леднику, уклоняющемуся несколько к востоку от северного направления, к Шовар-шуру в долине реки Ярхун» [16, с. 15]. Переход был весьма нелегким, особенно члены экспедиции страдали от нестерпимого блеска снега и льда в ярких лучах солнца; более ста туземцев (не имевших, конечно, темных очков) временно потеряли зрение. Преодолев перевал Сархим (*Sarkhim*) в главном водоразделе Гиндукуша, отряд спустился в долину реки Вахан и форсировал ее. В Лангаре

партия топографов была направлена из лагеря штаб-квартиры. До того безнадежно неприступный характер хребтов, окаймляющих узкие долины, помимо очень неустойчивых погодных условий, делал задачу продолжения непрерывной триангуляции работой громадной трудности. Количество базисов, которые требовалось измерять временами, так же как астрономических и наземных [геодезических] на-

блюдений уменьшалось ежедневно. В тот период не представлялось очевидного шанса достигнуть какой-либо вершины, которая дала бы... возможность прямого визирования на пики индийской съемки, а медленный процесс соединения независимых базисов, измеренных через определенные промежутки, оказался несовместимым со скоростью передвижения, необходимой для того, чтобы достигнуть места встречи [с российской комиссией] в назначенный срок [16, с. 16].

Следуя отдельно от основной комиссии, партия [топографов] достигла южной подошвы перевала Бендерского, или прохода Андамин, и на следующий день была сделана остановка для того, чтобы совершить восхождение на расположенный поблизости пик, где была необходима станция для передачи триангуляции через снежный хребет, отделяющий Малый от Большого Памира. К счастью, день выдался хорошим и ясным, и с вершины холма (Андамин), высота которого оказалась равной 17300 футам (5273 м) над уровнем моря, открылся величественный вид не только на Большой Памир и хребты за ним, но и на всю линию Гималайских пиков, зафиксированных индийской триангуляцией [16, с. 47], что позволило майору Вахабу выполнить необходимые для передачи координат угловые измерения.

В Бозай Гумбазе англичане были встречены членом российской комиссии капитаном Катотинским во главе отряда из шести казаков, и официальная (дипломатическая) часть британской делегации в сопровождении русского отряда отправилась через перевал Бендерского к озеру Виктория. 21 июля отряд достиг озера — Малого Памира (Oikul — у Троттера, а на многих картах — Газкуль, или Гусиное Озеро). «Единственное название, которое мы смогли получить для него от киргизов, — сообщают британские топографы в своем официальном отчете, — было то, которое принято русскими, а именно — Чакмактин, и именно с этим названием оно в будущем будет обозначаться на наших картах» [16, с. 47]. Большой интерес английской делегации вызвали перевал Бендерского и его окрестности. Эти места ранее не посещались англичанами, которые вообще долгое время ставили под сомнение сам факт существования здесь перевала. Полковник Холдич следующим образом описывает перевал Бендерского и его окрестности:

На вершине перевала Бендерского (истинное его местное название — Андамин, но на будущее он будет носить имя выдающегося русского исследователя и топографа Бендерского) расположено небольшое озерко, в котором берут начало два ручья, текущие на север и на юг и образующие, таким образом, верховья двух потоков, которые по обе стороны определяют перевал. Это, по моему убеждению, в высшей степени необычайное географическое явление [16, с. 17].

22 июля 1895 г., точно в назначенный день, комиссары России и Великобритании встретились у озера Виктория. «Здесь они [англичане] были приняты с тем изысканным гостеприимством, в котором никогда нет недостатка у русских официальных лиц, и сразу же был заложен фундамент тех чувств доброго товарищества между двумя лагерями, которые впоследствии никогда не прерывались» [16, с. 18]. Отряд российской комиссии прибыл к озеру 20 июня. Он состоял из 11 офицеров и 33 рядовых (включая военный оркестр). Комиссию возглавлял российский полномочный комиссар, военный губернатор Ферганской области Туркестанского края генерал-лейтенант Повало-Швейковский; в ее состав входили: представитель Министерства иностранных дел России советник Понафидин, полковник Генерального штаба Галкин, командир эскорта оренбургских казаков капитан Круторо-

жин, капитан конной артиллерии Катотинский, врач Вельман (*Welman*), французский профессор Стейфель (*Stiefel*), астрономо-геодезист полковник Залесский, руководитель топографического отряда классный топограф Бендерский, топограф капитан Александрович и переводчик лейтенант Оракулов.

Вечером 24, на обеде в честь русского штаба, генерал Герард, провозглашая тост за здоровье российского императора, торжественно предложил, чтобы хребет, который разделяет Большой и Малый Памиры и который столь же нуждается в географическом определении, сколь и любые другие природные особенности на Памирах, был бы известен в будущем как Хребет Николая. Предложение было встречено с теплым одобрением русским комиссаром, который, в качестве ответного комплимента английской нации, обещал, что имя... королевы будет оставлено за озером, которое носило его прошедшие пятьдесят лет, и что на русских картах в будущем озеро Виктория будет признанным элементом. Господин Понафидин дипломатично скрепил соглашение, назвав трехглавый пик, являющийся заметным соединяющим звеном линии границы между озером Виктория и Хребтом Николая, «*La Concorde*» [16, с. 18], т. е. — «Согласие».

Первая официальная сессия объединенной Пограничной комиссии состоялась 23 июля, еще до прибытия афганского представителя. Было решено все технические трудности и препятствия сводить к минимуму или даже пренебрегать ими в пользу быстрой демаркации границы в соответствии с соглашением правительств двух держав.

По прибытии на место встречи англичане с удовольствием обнаружили, что русские топографы уже работали некоторое время до того в районе демаркации, и их топография этого почти неприступного горного барьера [Хребта Николая] была настолько полной, насколько географическое картографирование в таком районе могло быть вообще выполнено к тому времени, когда английские топографы прибыли на Большой Памир. Последние столкнулись с большими трудностями в обеспечении непрерывности их триангуляции вдоль узкой долины Вахана и на Малом Памире, в связи с нестабильной и ненастной погодой памирского лета; ожидалось также некоторые расхождения во мнениях с русскими топографами в отношении положения начальной точки границы на озере Виктория. Было обнаружено, что перевал Бендерского расположен значительно восточнее того положения, которое давалось для него на русских картах; и в действительности существовала значительная неуверенность в отношении географии района, отображенной на... [английских] картах. К счастью, — продолжает свой рассказ руководитель британской группы, — неустойчивая погода была прервана на один-два дня, когда мы пересекали Хребет Николая, что предоставило возможность длительных наблюдений с одного или двух пиков, результаты которых позволили определенно и точно зафиксировать их геодезическое положение [16, с. 18].

Опасения британских топографов не оправдались: проведенные ими геодезические определения координат при сравнении с данными русских топографов, полученными из астрономических определений, оказались удивительно хорошо согласуемыми. Так,

во время остановки в Михманиол проведены наблюдения еще на трех пунктах, и положение Кизил Робат Сарая — самого восточного астрономически определенного русского пункта в пределах их работ — было установлено тригонометрически, так что, — продолжает руководитель группы британских топографов, — у нас

теперь была возможность сравнить наши величины, полученные [путем передачи] индийских данных, с их данными на обоих концах границы. Российские данные были полностью астрономическими; их широты получены из непосредственных наблюдений, а долгота из сравнения местного времени с тем, которое показывали их хронометры, привезенные из Оша. Для этой цели были использованы шесть хронометров, и полковник Залесский считает, что его вероятная ошибка находится в пределах 0,3 секунды времени, или около 5 секунд дуги. В сравнении долгот по отношению к Гринвичу Большая тригонометрическая съемка [Индии] допускала в качестве возможной ошибки величину 2 минуты 27 секунд [16, с. 49].

Была констатирована удивительная близость величин для определения долготы англичанами и русскими, хотя в широтах ожидалось лучшее согласование. Результаты геодезических работ англичан отображены на «Карте триангуляции, выполненной партией Памирской комиссии», сохранившейся в Картографической коллекции Архива и Библиотеки Правления Индии Британской Библиотеки [17].

Британская топографо-геодезическая партия в течение августа занималась «топографией Малого Памира и восточной части Хребта Николая вплоть до Кизил Робата. Эта часть хребта была снята с той степенью подробности, которая требовалась в соответствии с условиями соглашения для определения точки, где водораздел пересекает широту [параллель] озера Виктория и где граница должна была определяться произвольной линией, проходящей в общем восточном направлении к китайской границе» [16, с. 48]. Выполненные англичанами полевые оригиналы съемок тут же печатались в походной типографии цианотипным способом, причем, как отмечал подполковник Вахаб, этот «процесс исключительно прост, и результатом его являются ясные и точные репродукции оригиналов, хотя по художественному эффекту они не могут сравниться с прекрасно вычерченными копиями, выполненными русскими топографами, отпечатанными на ручном станке и «поднятыми» в трех цветах, с изображением рельефа холмов с помощью искусной отмывки коричневой акварелью» [16, с. 48–49]. Яркое представление об условиях съемок британской топографической партии, а также — о суровых ландшафтах памирского высокогорья дают талантливые зарисовки полковника Холдича, сохранившиеся в Архиве Королевского Географического общества в Лондоне [18].

О работах российской топографо-геодезической группы Пограничной комиссии и ее последующем взаимодействии с британскими топографами в официальном отчете П.К. Залесского сообщалось, в частности, следующее:

Еще 24 июля [1895 г.] у подножья перевала Бендерского, в заседании комиссии с участием астронома, геодезистов и топографов обеих комиссий, было установлено, что к 12 августа техники русские и английские представят законченные результаты астрономо-геодезических определений и топографические рекогносцировки, так как только тогда, имея под рукой готовый и точный установленный по координатам географический материал, комиссия могла приступить к самой трудной части своей задачи, т. е. к проведению части границы от перевала Урта-бель на восток.

На том заседании было предложено астроному и геодезистам обеих комиссий определить четыре общих пункта, чтобы из сравнения независимых между собой их общих координат выяснить, насколько определения одной комиссии согласны с определениями другой. При этом ожидалось, что широты общих пунктов, определенные англичанами геодезически, продолжением ост-индской триангуляции, с широтами пунктов, определенных подполковником Залесским астрономически, будут расходиться лишь на величину аттракции; в долготах же предвиделись бо-

лее значительные расхождения ввиду того, что основные исходные точки обеих комиссий были ничем между собой не связаны и слишком удалены друг от друга. Поэтому и было положено, что для составления русской и английской карт пограничной полосы, обмен каковыми должен был совершиться между обоими правительствами, для широт пунктов, от каковых главным образом и зависела по соглашению 27 февраля проводимая граница, принять средние результаты из русских и английских определений, и долготы для каждой из карт оставить свои, ведя их исчисление от Пулково для русской и Гринвича для английской карты [19, л. 152].

...Приступив немедленно к вычислениям и вычерчиванию съемки, русские техники окончили их в сроки, т.е. к 12 августа. При этом для всех 9 пунктов подполковник Залесский ограничился двумя парами звезд для вычисления поправок хронометров и выводов долгот и широт лишь в целых секундах дуги и отложил вычисление вероятных ошибок до более свободных времен, ввиду короткости назначенного комиссией срока. При сравнении результатов оказалось:

	Широты		Долготы		[Невязка]
	Залесский	Англичане	Залесский	Англичане	
оз. Виктория	37° 26' 40"	30"	43° 26' 52"	48"	4"
пер. Бендерского	37° 22' 06"	35"	43° 54' 39"	55' 03"	24"
пер. Урта-бель	37° 23' 54"	24' 08"	44° 10' 31"	22"	9"
Рават	37° 27' 14"	26"	44° 24' 55"	25' 12"	17"
Кызыл-рабат					

Приведенные данные превзошли ожидания как самого подполковника Залесского, так и полковника Гольдича, и представленные классным топографом Бендерским и капитаном Александровичем образцовые во всех отношениях съемки и изящные карты, неоднократно вызывавшие восхищение англичан, настолько удовлетворили комиссию, что англичане, у которых к 12 августа еще далеко не были готовы их съемки и геодезические определения, охотно согласились принять предложение нашего комиссара вести дальнейшие переговоры о границе на основании русских материалов, не дожидаясь окончания работ английских техников, последовавшего только к 20 числу [19, л. 154].

Об условиях работы партии Залесского в этот период ярко свидетельствует следующий отрывок из официального отчета:

...страшно тяжелая, чтобы не сказать вовсе непроходимая дорога, в особенности по Шах-Дарье, на протяжении без малого ста верст, по страшным кручам и горным карнизам, вброд по реке, а нередко и вплавь, при многочисленных, по несколько десятков раз в течение девятидневного перехода, переправах с одного берега стремительной, с заваленным каменными глыбами руслом реки на другой, потребовали крайнего напряжения сил, как от людей, так и от лошадей.

Нередко приходилось становиться в тупик и опускать руки при выборе из двух неизбежных зол: лезть на недосыгаемую кручу, неся на руках все выюки, или пускаться вплавь, для обхода по реке отвесных скал, сжавших реку с обеих сторон в глубокое ущелье.

Лошадей по несколько раз в день приходилось развьючивать и переносить в опасных и неприступных местах на людях не только хронометры и инструменты, но и все остальное, крайне замедляя таким образом движение.

...Сами члены экспедиции, подмачивая по несколько раз в день свои выюки с сухарями и провизией, остались совсем без хлеба и соли к концу экспедиции в течение трех последних переходов [19, л. 154].

Топографами русской части Пограничной комиссии был выполнен весьма значительный объем работ. В частности, прибыв 8 июля на сборный пункт на берегу озера Виктория (озеро Зоркуль), классный топограф Бендерский и капитан Александрович приступили к работам 9 июля: проверили инструменты, измерили двумя цепями базис более 5 верст длиной (от астрономического пункта на озере Виктория, в долине Большого Памира) и начали инструментальную съемку пограничной полосы, масштаб которой, 5 верст в дюйме, был установлен по соглашению комиссаров: русского и английского.

Расстояния они меряли цепью или рейками, а недоступные предметы наносили засечками.

Ко времени прибытия, 17 июля, полковника Гольдича с английскими топографами (пундитами), снабженными блокмензулами и анероидами, классный топограф Бендерский и капитан Александрович сняли уже долину Большого Памира и северный склон Хребта Николая II (Ваханский хребет) до перевала Бендерского. Затем они провели триангуляцию в долину Малого Памира (р. Вахандарья) и засняли всю местность в долине Ак-су до могилы Боза-и-Гумбез и южный склон помянутого хребта.

Июля 23-го, согласно предписания, они явились в заседание специалистов смешанной комиссии для решения вопросов, касающихся астрономических определений и съемки.

Здесь выяснилось, что английские топографы съемку не начинали, и потому, чтобы не останавливать работы, было решено дать англичанам копию съемки, сделанной нашими топографами, и далее продолжать съемку обеими комиссиями и к 3 августа закончить полевые работы.

Классному топографу Бендерскому и капитану Александровичу предстояло таким образом в 10^{ть} дней снять 2/3 всего пространства, подлежащего съемке.

Приложив все усилия, работая с раннего утра до поздней ночи, несмотря ни на свое болезненное состояние, последствие испытанных во время переезда лишений и утомлений, а равно и пребывание на больших высотах (горная болезнь и лихорадка), ни на дурную погоду, ни на холод, ни на сильные ветра, сопровождавшиеся сильными бурями, ни на трудность работать с вольнонаемной прислугой из местных киргиз, они окончили съемку в срок.

Английские топографы окончили свои полевые работы только 20 августа.

Сняв всего 4000 кв. верст, классный топограф Бендерский и капитан Александрович с 4 августа приступили к вычерчиванию своих работ набело при самых неблагоприятных условиях: при постоянном холоде и ветрах, наносивших в юрту массу пыли и снежной крупы, в шубах, валенках и теплых перчатках, при свечах во время ночной работы [19, л. 164–165].

Вернемся теперь к рассмотрению процесса демаркации границы. Обнаруженные несоответствия в широтах не могли препятствовать использованию как русских, так и английских определений для обоснования топографических работ, поэтому, как сообщают в своем отчете члены британской группы, как только было установлено, что у нас существует техническое согласие в отношении положения первой пограничной пирамиды и что не может быть серьезного расхождения во мнении относительно [координат] перевала Бендерского, была принята российская топография мест, лежащих между этими пунктами, и объединенные лагеря двинулись дальше [16, с. 19]. Материалы съемок, проведенных английскими топографами, а также карты, составленные с использованием российских съемок, хранятся в Коллекции карт Секретного и Политического департамента

Правления Индии Библиотеки и Архива Правления Индии Британской библиотеки [20].

27 июля прибыли афганские представители: глава делегации, губернатор столицы Бадахшана Фейзабада — Сардар Гулям Мохиуддин Хан (*Sardar Ghulam Mohiuddin Khan*) и Маули Ашур Мухаммад Хан (*Mauli Ashur Muhammad Khan*). Глава афганской делегации участвовал в работе трехсторонней комиссии с неохотой, которой ни от кого не скрывал, хотя оба афганца, как свидетельствует британский отчет, присутствовали на официальных встречах комиссии, и оба с большой торжественностью ставили свои печати на протокол и официальные документы, которые перед ними клали [16, с. 19].

Во время пребывания на озере Виктория географы и топографы, входившие в состав Пограничной комиссии, установили, что основными источниками питания этого обширного водоема являются термальные ключи на дне, а также — единственная впадающая в него небольшая (длиной 14 миль) речка. Высота озера была английскими топографами зафиксирована тригонометрически и оказалась равной 13390 футам [4081,27 м] над уровнем моря — результат, который абсолютно совпадает с барометрическим определением русских и отличается от величины, представленной Троттером (13950 футов) [4251,96 м], на 560 футов [170,69 м] [16, с. 19]. Бендерский сообщил англичанам, что за период с 1873 г. уровень озера заметно упал и что, по его убеждению, озеро Виктория может в скором времени высохнуть [16, с. 3].

1 августа Пограничная комиссия отправилась с озера Виктория к расположенному от него в 26 милях Ярти Гумбазу (*Jarti Gumbaz*), где русские подготовили заранее приятный сюрприз своим английским коллегам в виде бани-кибитки на горячих серных источниках. 2 августа в палатке российского представителя был подписан первый официальный протокол демаркации памирской границы, а 3 августа англичане были приглашены на празднование тезоименитства вдовствующей императрицы Марии. На британских представителей произвело большое впечатление праздничное богослужение, и особенно — глубокая музыкальность русских, о чем в английском отчете замечено, в частности, следующее: «Никакая служба на русском языке не может быть полной без музыки, и величественные песнопения и гимны в исполнении их оркестра звучали удивительно выразительно в первозданном окружении этого удаленного уголка империи» [16, с. 20]. В программу праздника были включены скачки мальчишек-киргизов на лошадях, соревнования на яках и верблюдах, искусная джигитовка казаков и не менее поразившая англичан национальная киргизская игра «улак»*, организация которой в рамках российских государственных торжеств, а также каждодневное общение с русскими и входившими в состав их отряда местными жителями позволили руководителю британской делегации сделать следующее наблюдение:

Нет никакого сомнения в том, что показанная русскими готовность поддерживать национальные празднества и игры кочевых народов, с которыми они быстро ассимилируются в Высокогорной Азии, очевидно, ценные призы, которыми они награждают отличившихся, и тщательное соблюдение всех требуемых церемоний и этикета при таких случаях весьма способствуют внедрению в сознание туземцев идеи либерализма и власти [16, с. 21].

* Эта игра распространена также среди туркменов под названием «бузгала баши» и состоит в том, что несколько всадников пытаются отнять у одного из игроков привязанного к его седлу козла; этот ведущий игрок, в свою очередь, должен стараться, увернувшись ото всех, добраться до заранее назначенного места («святылища») и доставить туда козла.

Праздник был завершён роскошным приемом, устроенным российской делегацией для британских офицеров, во время которого казаки угостили великолепным обедом «нижних чинов» английского лагеря, включая туземцев-слуг.

5 августа Пограничная комиссия через перевал Бендерского отправилась дальше, причем скорость ее продвижения была вынужденно снижена из-за необходимости проведения съемки Хребта Николая II. Члены Комиссии использовали эту задержку для охоты и сбора минералов и образцов флоры и фауны. Помощник резидента в Кашмире по китайским делам

господин Дж. Макартни присоединился к партии генерала Герарда 7 августа, после двухдневного задержания на перевале Баюк русским пикетом, который сообщил ему, что им приказано останавливать всех англичан и китайцев. Когда новости об этом задержании достигли генерала Повало-Швейковского, он немедленно направил верхового исправить положение и в высшей степени извинялся за «*mesintelligence involunteir*» [непреднамеренно искаженную информацию] [14].

Следующим этапом работы комиссии был Уста Бель (Usta Bel). Ландшафт этих мест произвел на членов комиссии самое гнетущее впечатление: «если говорить о постоянных поселениях, за исключением Робата или Сарая в Кизил Робате, Малый Памир (как и Большой) всего лишь долина теней смерти» [16, с. 22]. Натуралисты комиссии отметили здесь свидетельства бывшего распространения ледников в виде моренных валунов.

12 августа на местности были установлены очередные (№№ 4 и 5) пограничные каменные пирамиды.

Нанесение положения пирамид на карты было оставлено топографам, и строительство каменных пирамид высотой до восьми футов [2,43 м] было соответственно работой подразделения казаков, непосредственно после того, как положение [их] на месте определялось партией объединенной комиссии. 15 августа оба лагеря переместились на их последние позиции в Михманьол на левом берегу реки Аксу, на расстояние около двух миль от Кизил Робата и почти напротив перевала Михманьол, который пересекает Сарыкольский хребет в направлении Тагдумбаш Памира [16, с. 23].

Второй и третий протоколы о демаркации границы были подписаны 14 августа, и ими определено прохождение границы до лагеря Михманьол.

На общей сессии всех членов Пограничной комиссии, состоявшейся 17 августа, было выяснено расхождение во взглядах между российской и британской делегациями в отношении дальнейшего прохождения границы, «в связи с чем было решено, что альтернативные линии прохождения границы до китайской границы следует предварительно рекогносцировать и по поводу мест расхождения во взглядах обратиться к соответствующим правительствам двух комиссий» [16, с. 23]. 20 августа был подписан четвертый протокол, причем, ко всеобщей радости членов Пограничной комиссии, «этот день был особо отмечен прибытием выдающегося гостя в лице доктора Свена Гедина, знаменитого шведского путешественника. Доктор Свен Гедин является одновременно ученым-исследователем и художником. Он недавно изучал ледники Музтаг Ата, или пика Тагарма...» [16, с. 23].

24 августа было согласовано и утверждено положение на местности пограничных пирамид №№ 5, 6, 7 и 8, а 28 августа, на официальной сессии объединенной комиссии, было принято соглашение о разногласиях (*agreement to differ*), так как решение о дальнейшем прохождении границы было невозможно без согласования с соответствующими правительствами. Варианты прохождения границы, предла-

гавшиеся английской и русской сторонами, отображены на карте, иллюстрирующей памирскую границу, составленной полковником Холдичем 31 августа 1895 г. [21, л. 207]. Предложив русской делегации альтернативный вариант прохождения границы, генерал Герард, однако, считал возможным в своем обращении к британским властям рекомендовать, в случае упорства российской стороны, принять предлагаемый ею вариант прохождения границы. Причина возникших разногласий и позиция, которую в это время считало возможным принять руководство английской делегации, изложены в следующем Меморандуме о действиях комиссии в августе 1895 г.:

Оказывается, что, в то время как широта озера Виктория на существовавших до того картах была верно охарактеризована величиной $37^{\circ}27'$, положения, которые приписывались перевалам Кизил Робат, Орта Бель и Баюк неточны и на шесть минут южнее их истинных широт. При этих обстоятельствах генерал Герард нашел невозможным точно придерживаться условий англо-русского соглашения и рекомендовал принять линию, предлагаемую русскими, протягивающуюся к югу, в направлении водораздела Тагдумбаша, который русские признают как китайскую границу. Эта линия рассматривалась генералом Герардом и полковником Холдичем в качестве единственной естественной границы к югу от широты озера Виктория... [14, л. 6–7].

Такое решение вопроса оставляло перевал Баюк в руках русских, но генерал Герард считал, что с военной точки зрения это не имеет значения. Он отметил, что останется ли он у русских по соглашению, или нет, перевал должен остаться в их распоряжении [фактически], его высота 16000 футов [4877 м], открыт он лишь четыре или пять месяцев в году, и его вершина не может быть занята постоянно. Небольшой русский пикет, располагавшийся здесь в прошлое лето, потерял человека и двух лошадей в течение десяти дней и должен был быть удален [14, л. 4].

Несмотря на разногласия по вопросу границы, отношения между двумя лагерями сохранились вполне дружескими, и 30–31 августа, возможно, в первый и последний раз на Памире были проведены личные и командные спортивные соревнования делегаций России и Великобритании. Чемпионом Памира по стрельбе стал майор Вахаб, выигравший как винтовочные, так и револьверные стрельбы. Командный результат у русских офицеров оказался выше, чем у англичан. Известный как отличный стрелок генерал Герард не принял участия в этих соревнованиях, а русские и киргизы отказались от состязаний в беге. Англичане были вынуждены признать значительно большую физическую силу русских солдат. В британском отчете по этому поводу сказано следующее: «Также следует заметить, что перетягивание каната было полностью в пользу казаков. Мы не смогли собрать какую-либо команду, которая имела бы шанс противостоять широкоплечему и мускулистому подразделению, которое представляло русский лагерь» [16, с. 24]. С другой стороны, британские туземцы-кавалеристы выиграли командное первенство по стрельбе, хотя казачий вахмистр был почти феноменален в стрельбе из винтовки. В отчете британской делегации подчеркнуто, что «призы английским командам выдавал русский генерал. Они были не только ценными по существу, но и презентовались со всем тем вниманием к эффектным деталям, которое характерно для русской щедрости. Также Dejeune [прием], на котором русский штаб угощал английских офицеров и где присутствовали даже афганские представители, имел характер, скорее, светского банкета, нежели ланча на скорую руку в удаленном лагере среди памирской глуши» [16, с. 24].

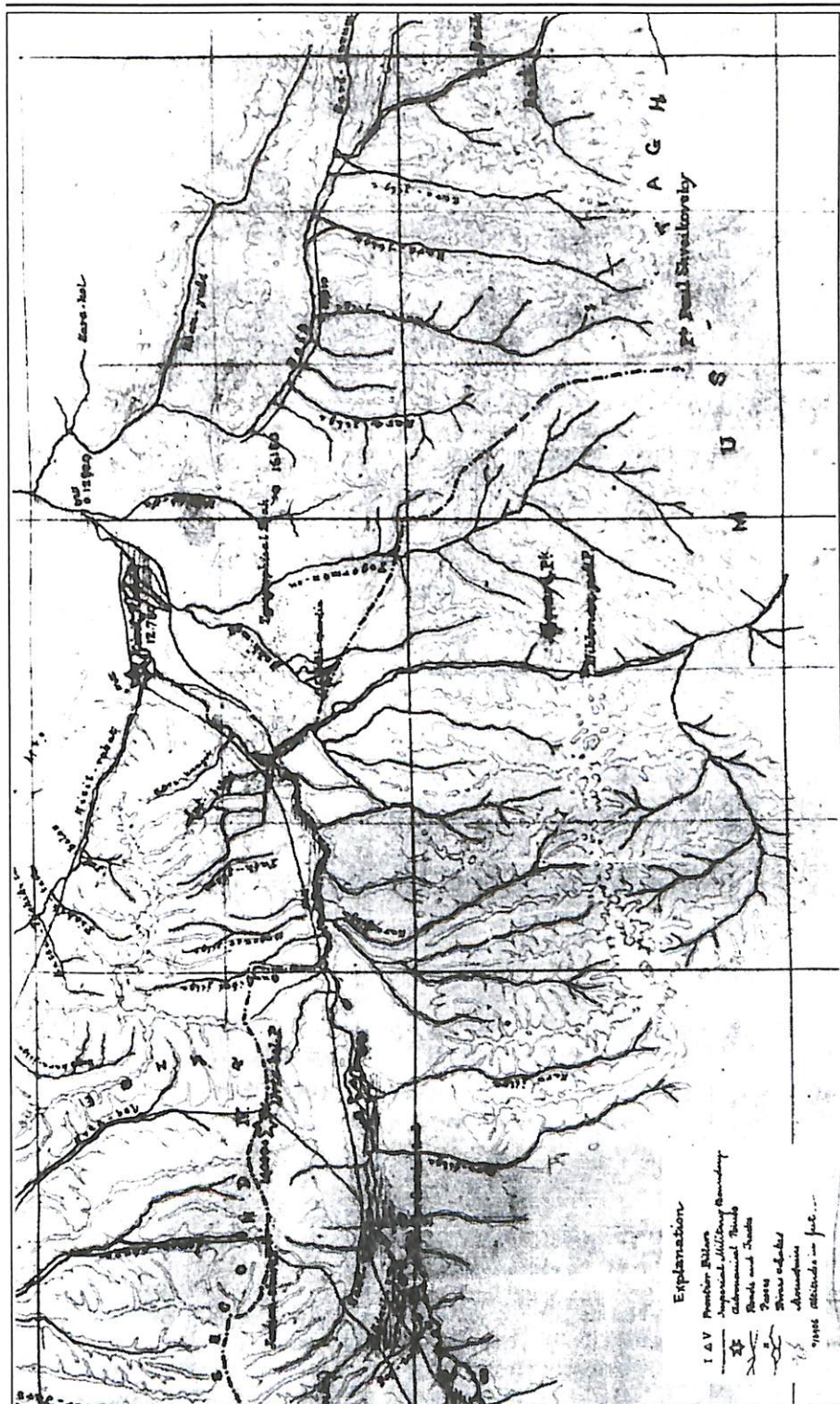
Далее потянулись будни ожидания решения властей по поводу окончательного установления линии границы. Англичане использовали это время для более детального ознакомления с районами китайской границы, в частности, 4 сентября полковник Холдич отправился с Макартни к Сарыколу и перевалу Баюк, а майор Вахаб тем же путем прошел на Тагдумбаш Памир, где англичане объединились и далее путешествовали вместе. 6 сентября сам генерал Герард совершил поездку с Макартни к китайскому посту в Баюк и на Тагдумбашский склон перевала Михманьол.

Здесь британский комиссар был проинформирован о том, что русские агенты советовали киргизам не давать английской партии никакой информации о Тагдумбаше, так как [якобы] происходят переговоры с Китаем о передаче этого района России через два года. Генерал Герард обнаружил пикет из китайских войск в Паике на реке Тагдумбаш; они сказали ему, что в Ташкургане расположились 300 китайских солдат. От правителя Тагдумбаша, Касим Бека, он получил уверения в том, что весь Тагдумбаш вплоть до Вахджруи принадлежит китайцам, которые, вместе с самим беком, единственные получают налоги [14, л. 5].

Английские топографы использовали эту поездку для съемок китайской территории долины Сарыкола, о чем полковник Холдич, обобщая результаты топографо-геодезических работ в целом, сообщил в своем отчете следующее:

Помимо желательности усовершенствования наших географических знаний об этом районе, было важно определить, где фактически проходила признанная линия границы Китая, а лучшим способом определить это было продвижение в восточном направлении до тех пор, пока не будут достигнуты признаки эффективной оккупации [района китайцами]. Соответственно, полковник Холдич и майор Вахаб с двумя топографами вышли из лагеря 4 сентября, 5 — преодолели перевал Баюк и 6 сентября достигли потока Тагдумбаш, являющегося верхним притоком реки Яркенд; здесь был обнаружен небольшой внешний пост с гарнизоном из четырех китайских солдат. 7 сентября полковник Холдич в сопровождении господина Макартни направился к востоку вниз по долине в сторону Ташкургана, в то время как майор Вахаб прошел к западу по Тагдумбаш Памиру. Никаких признаков китайской оккупации в этом направлении не было видно, хотя кочевники-киргизы, чьи кибитки были обнаружены на некотором расстоянии вверх по долине, объявили себя китайскими подданными. После посещения Куктурука и перевала Килик партия майора Вахаба 12 сентября возвратилась по перевалу Михманьол в лагерь миссии, куда уже прибыл полковник Холдич... Таким образом, все возможное для съемок на Памирах время ограничивалось двумя месяцами, которые прошли между нашим прибытием в долину Вахана 17 июля и нашим возвращением в нее 18 сентября. В течение этого времени граница была делимитирована на расстоянии в 90 миль между озером Виктория и китайской границей, площадь в 4925 квадратных миль была снята в масштабе 1/4 дюйма [1:253432] и 228 кв. миль — в масштабе 1/2 дюйма [1:126716], а также была продлена триангуляция через Гиндукуш на север до 38-ой параллели, в промежутках между 73-м и 75-м меридианами, покрывающая площадь 1820 квадратных миль [16, с. 49–50].

Находясь в долине Сарыкола, британская топографическая группа провела исследования по уточнению высот и положения двух наиболее выдающихся пиков Кашгарского хребта, которые, по мнению Ния Илеяса, имели приблизительно одинаковую высоту и располагались соответственно к северо-востоку и юго-востоку от озера Малый Каракуль. Эти работы описаны полковником Холдичем следующим образом:

Карта памирской границы, составленная полковником Холдичем 31 августа 1895 г.

Северо-восточный [пик] виден с Кашгарской равнины и был зафиксирован полковником Троттером во время Яркендской миссии и назван им пик Тагарма, потому что жители Кашгара считали, что этот пик возвышается над Тагармой в верховьях долины Сарыкола. Однако весьма мало сомнений в том, что этот последний пик, наиболее выдающийся при наблюдении с юга и запада, не виден из Кашгара; это пик, который русские называют Музтаг-Ата, и именно он является самым высоким, по мнению шведского путешественника Свена Гедина, который поднялся на него до высоты в 20000 футов [6096 м] — высоты, которую он приводит в описании своего путешествия в трудах Королевского Географического общества, что не оставляет никаких сомнений по этому поводу. Оба пика показаны на русских картах: северный — по его положению относительно Малого Каракуля — это их гора Кунгур [совр. Конгур, высота 7719 м], широта $38^{\circ}38'$ минут, долгота $75^{\circ}8'40''$; южный — у них Музтаг-Ата, отмечен высотой 25050 футов [7635,24 м], под $38^{\circ}30'$ широты и $75^{\circ}7'$ долготы. Высочайшая точка, тригонометрически определенная с памирских пунктов, расположена на параллели $38^{\circ}16'42''$ и на меридиане $75^{\circ}9'33''$, с высотой (из однократного измерения) 23800 футов [7254,24 м]; вероятно, это русский Музтаг-Ата, хотя это и не очень определено, так как продолжение хребта на север было скрыто из виду холмами на переднем плане [16, с. 50–51].

Полковник Холдич добавляет, что местные жители считали самым высоким южный пик, но топографы британской Пограничной комиссии полагали, что таковой является северо-восточная вершина.

В период работы английских топографов в долине Сарыкола пришли долгожданные телеграммы от российских и британских властей.

7 сентября состоялась конференция, на которой последний заверченный протокол был подписан, и генерал Герард смог проинформировать русского комиссара, что ему дано право принять их линию [т.е. — линию прохождения границы, на которой настаивала русская делегация]. Новости были восприняты с величайшим удовлетворением, и следующий день был назначен для определения положения конечных пирамид. В действительности оставалось всего лишь шесть миль, для которых требовалась демаркация с помощью пирамид. С шестой мили изрезанный и неприступный отрог Сарыкольского хребта вел границу в районы вечного льда и снега к соединению с главным хребтом. Здесь, в безлюдной глуши, на высоте 20000 футов [6096 м] над уровнем моря, совершенно недоступной для человека и недостижимой для каких-либо живых существ за исключением памирских орлов, фактически встретились три великие империи. Вероятно, невозможно было бы найти более подходящего места для соединения трех границ [16, с. 25].

8 и 9 сентября были утверждены положения последних пирамид и подписан девятый протокол. 10 сентября состоялась заключительная конференция делегаций, а 12 сентября члены Пограничной комиссии провели прощальный вечер у огромного костра.

13 сентября полковник Холдич принял командование английским отрядом от генерала Герарда, который возвращался в Индию через Россию и Лондон и поэтому шел вместе с русской делегацией до Ферганы [16, с. 25–26].

Проходя по Памиру, генерал Герард воочию убедился в том, что русские укрепились в этой стране вполне основательно. На Мургабском Памирском посту члены русской делегации и генерал Герард застали отряд, состоящий из 80 пехотинцев, 12 казаков (с двумя пулеметами) и 14 музыкантов. Основная часть этого отряда в дальнейшем сопровождала британского комиссара до Оша, причем

русские солдаты, и особенно казаки, вызвали нескрываемое восхищение генерала Герарда:

Жизнерадостность и незаменимость казаков в течение всего перехода были выше всяких похвал. Когда мы выступали по утрам, вахмистр затягивал какую-нибудь песню, которую весь отряд подхватывал хором, и хотя пение, возможно, было не самого высшего качества, но среди этой пустынной глуши оно имело какое-то необычное, сверхъестественное очарование, что было весьма привлекательно. Стоило лишь спешиться, снять плащ или начать охотиться на каком-нибудь близлежащем озере, как кто-то из них всегда, без какого-либо призыва, оказывался рядом с вами для того, чтобы поддержать вашего коня, принести шубу или ружье и вообще помочь; и каждый вечер, независимо от того, насколько жестокой была метель, они все выстраивались с непокрытыми головами перед своими юртами и пели вечернюю молитву. Их рационом, не считая хлеба и чая, был главным образом суп — великолепный наваристый горячий борщ, которым мы часто угощались сами, а они могли доливать его себе «*a discretion*» [по желанию]. Немногие наказания, которые применялись на марше, обычно за упущения в уходе за лошадьми или в выправке, были в какой-то мере комичными. Казак в полной походной выкладке, с седлом, привязанным на спине, должен был стоять с саблей наголо в течение часа или более перед палаткой своего капитана [16, с. 4].

Генерал-майор Герард отметил, что в те немногие годы, которые прошли со времени присоединения Памира к России, русские военные и строители значительно усовершенствовали существовавшие ранее караванные тропы и построили новые дороги в этой суровой горной стране, в частности, он особенно отмечает созданный под руководством полковника Громбчевского в 1893 г. исключительно трудный участок дороги, включающий 34 витка серпантина, по которому можно спуститься с перевала Талдык [16, с. 5]. Немалое значение для дальнейшего укрепления российской власти на Памире имел тот факт, что после включения его в состав империи обитавшие там горцы на 12 лет были освобождены от уплаты налогов [14, л. 5].

В Оше британская делегация была встречена блестящим парадом и салютом. Генерала Герарда, как офицера британской колониальной армии в Индии, очень интересовали вопросы организации управления российскими среднеазиатскими областями и отношение русских властей к местному населению. В этом смысле российский опыт также поразил англичанина. Жители Ферганы показались ему весьма процветающими. Особенно удивило генерала Герарда, что российские власти по сути дела совершенно не вмешивались в традиционный образ жизни местного населения. Единственными ограничениями, наложенными русскими, были запрещения ношения оружия и вынесения приговора о смертной казни жителями среднеазиатских владений Российской Империи. Глава британской комиссии замечает по этому поводу следующее:

За исключением двух или трех чиновников в каждом районе, действующих как наместники и начальники полиции районов, а также — вышеупомянутых ограничений в отношении смертной казни и запрещения ношения оружия, я уверен, что народ полностью предоставлен сам себе, как и в период до российского завоевания; и это, в сочетании с современным состоянием абсолютной безопасности, представляется, вполне естественно, в высшей степени популярным [16, с. 7].

Истинное восхищение британского генерала вызвало великолепное состояние личного состава российских войск в Фергане: «Должен сказать, что в увиденном мною было почти невозможно обнаружить хотя бы малейший недостаток, вдоба-

вок солдаты не только представлялись великолепным материалом, но, помимо этого, были как замечательно экипированы, дисциплинированы и выучены, так и удобно расквартированы и хорошо питались...» [16, с. 7]. Не исключено, конечно, что на столь высокую оценку генералом Герардом ферганского гарнизона повлияла тщательная подготовка к визиту иностранного гостя, проведенная русскими военными властями, а также оказанный ему сердечный прием, о котором в официальном отчете британской делегации он сообщал следующее: «Я был потрясен гостеприимством и вниманием в течение моего визита... Я никогда не смогу в полной мере высказать свою признательность за множество знаков внимания, которые мне оказал генерал Повало-Швейковский, мой бывший коллега по Памиру и [гостеприимный] хозяин в Фергане» [16, с. 8]. Следует заметить, что хорошее мнение генерала Герарда о формах колониального управления России в Центральной Азии и организации там воинской службы не изменилось в течение его длительного путешествия (уже без сопровождения русских офицеров) через Коканд, Ташкент и Самарканд.

Помимо несомненного внешнеполитического значения работа совместной комиссии по разграничению Памира имела также важные научные результаты, которые, к сожалению, остались в большей своей части не введенными в научный оборот. Лишь полковник Холдич опубликовал для массового читателя несколько работ, в которых излагались история разграничения и деятельности Пограничной комиссии [22–26]. Британская часть комиссии собрала обширную коллекцию горных пород и минералов, а также — представителей флоры и фауны, включающую 143 разновидности животных и 116 — растений, из которых 66 животных и 115 растений — с Памира. С 19 августа по 11 сентября 1895 г. в Михманьоле проводились регулярные метеорологические наблюдения. Значительное внимание члены комиссии уделяли народам Памира, причем они специально исследовали вопрос о стойкой традиции представления некоторых таджиков Памира в качестве «потомков Александра Македонского». Члены комиссии не обнаружили в этой высокогорной стране племен, обладающих, по их мнению, европеоидным обликом — об одном из них сообщал, в частности, капитан Чапман (народ папа или пахпа), однако они сделали вывод о том, что ежели таковые и имеются, то, скорее всего, это какие-то очень древние племена, появившиеся на Памире задолго до Александра Македонского [16, с. 29–30].

Материалы работы британской части Пограничной комиссии были опубликованы в 1897 г. в качестве служебного издания английского колониального правительства Индии — «Отчет о трудах Памирской пограничной комиссии». Этот солидный труд, который до настоящего времени недостаточно хорошо известен, включает следующие материалы:

Введение

Глава I. Памирская пограничная комиссия 1–11.

Глава II. Описание действий 12–28.

Глава III. Исторические заметки (автор — полковник Холдич) 29–33.

Глава IV. Общее географическое описание (автор — полковник Холдич) . . . 34–40.

Глава V. Рекогносцировка полковником Холдичем Сарыкольского района . . . 41–45.

Глава VI. Сообщение о топографических работах
(автор — подполковник Р. Е. Вахаб) 46–51.

Глава VII. Общее описание пирамид и пунктов на памирской границе . . . 52–54.

Глава VIII. Раздел натуральной истории [естественно-научный]

(авторы — хирург капитан А. У. Алкок, полковник Холдич)

Секция 1. Вступление и объяснения	55.
Секция 2. Заметки о наиболее очевидных чертах Памира	55–58.
Секция 3. Систематическое описание зоологической коллекции, собранной на Памирах	59–71.
Секция 4. Список растений, собранных на Памире (автор Дж. Ф. Дафи)	72–82.
Секция 5. Заметки об образцах горных пород, собранных на Памире (автор Т. Х. Холланд)	83–85.
Секция 6. Краткое описание особенностей пути от Кашмира на Памиры	86.
Секция 7. Систематическое описание зоологической коллекции, собранной по пути к Памирам	87 [27].

К публикации приложены: обзорная «Карта, иллюстрирующая Отчет о трудах Памирской пограничной комиссии в масштабе 1:506880», на которой показана территория Памира с надписью «Русский Туркестан» и дан участок демаркированной границы от озера Виктория до пика Повало-Швейковского, и «Карта местности по обе стороны Пограничной линии, вычерченная объединенной комиссией для делимитации русской и афганской территорий на Памирах 1895 г., уменьшенная [до масштаба 4 мили в дюйме — 1:253440] с оригинальной карты в масштабе 5 верст в дюйме [1:210000], подписанной комиссарами» [28]. Связанные с демаркацией границы геодезические, топографические и географические работы практически знаменовали собой завершение исследований Южного Памира в XIX в.

Весною 1896 г. результаты делимитации и демаркации границы России с Афганистаном на Памире были ратифицированы правительствами Великобритании и Российской Империи. Практически одновременно один из «главных актеров» «большой игры» на Памире, Бронислав Людвигович Громбчевский, был снят с должности начальника памирского населения, а его мирза, служивший переводчиком, уволен со службы. На смену первопроходцам и авантюристам в этой высокогорной стране пришли регулярные пограничные войска. В противовес Памирскому посту (поселок Мургаб) Афганистан направил в «афганский треугольник» гарнизон, включающий около 500 всадников и 500 пехотинцев; деньги на содержание этих войск, по требованию эмира Афганистана, были выделены англичанами [29, л. 6–7]. От колониального правительства Великобритании в Индии для наблюдения за границей и решения всех текущих военно-политических вопросов вместо капитана Янгхазбэнда был назначен офицер из Гилгита, лейтенант Майлз (*Lieutenant Miles*), который, по приглашению генерал-лейтенанта Повало-Швейковского, в 1895 г. посетил Мургаб вместе с генерал-майором Герардом и познакомился там со своими русскими коллегами-пограничниками [14, л. 5].

Англичане продолжали очень внимательно следить за развитием событий на участке памирской русско-китайской границы по Сарыкольскому хребту, который оставался не определенным юридически. В октябре 1896 г. британские политики в правительстве Индии получили известия о том, что ходят упорные слухи о делимитации в ближайшее время русско-китайской границы на Памирах.

Русские добыли документ, подписанный последним правителем Коканда Мухаммедом Али Ханом, показывающий, что киргизы Субаши, Муджи, Буланкуля, Ранкуля, Кизилтага и Кинг Куля (около Янги Гиссара) находились в его власти. Как наследники последнего правителя Коканда, русские собираются, как говорят, предъявить претензии на всю горную страну, окаймляющую Кашгар. Сообщается, что киргизы вышеназванных мест направили письма русским с выражением их желания стать российскими подданными [29, л. 6].

Слухи, достигшие англичан, были вполне оправданными, и главной причиной событий, о которых в них сообщалось, являлся тот факт, что Китай решительно отказался признать результаты русско-британско-афганского разграничения. Россия, со своей стороны, всеми силами пыталась стабилизировать положение на Памире еще до начала работы комиссии Герарда — Повало-Швейковского. 31 марта 1894 г. из Петербурга послу в Китае А. П. Кассини была направлена для сообщения китайской стороне телеграмма следующего содержания:

Ввиду различия взглядами России и Китая относительно Памирского вопроса и невозможности прийти к немедленному соглашению, императорское правительство полагает, что наилучшим способом избежать ныне возможных недоразумений или столкновений было бы поддержание положения вещей в том самом виде, в каком оно уже установилось и существует в данную минуту. Обе стороны сохраняют при том свои обоюдные позиции, а соответствующие власти получают приказание не переступать оные... [30, л. 273].

4 апреля 1894 г. министр иностранных дел России направил в Пекин дополнительную телеграмму, в которой сообщал, что на Памире уже в течение двух лет установился следующий порядок: русские войска стоят у Ранг-Куля и Истыка и наблюдают за Ак-Ташем, а китайские отряды поддерживают порядок и безопасность только на восточных склонах Сарыкола [30, л. 278], что, как мы видели выше, полностью соответствовало английским сведениям по этому вопросу.

5 апреля 1894 г. китайский посланник в Петербурге вручил министру иностранных дел России ноту, в которой содержалось согласие Китая на сохранение статус-кво на Памире. Однако цинское правительство сделало ряд оговорок относительно прав Китая на территорию западнее принимаемой им граничной линии и выразило пожелание не прекращать переговоров о памирском разграничении:

Императорское правительство Китая... соглашается на сделанное ему предложение дать на основе взаимности указание компетентным властям обеих стран сохранять и не переступать пределов занимаемых ими соответственно позиций в ожидании окончательного разрешения вопроса о Памирах [31, л. 2–3].

Обмен нотами привел к фактическому разграничению между Россией и Китаем на Памире. Линия государственной границы была установлена по естественному рубежу — Сарыкольскому хребту, хотя само это название ни в одной из нот не упоминается.

Памирский участок границы СНГ с КНР, очевидно, не может считаться окончательно делимитированным. Обе ноты — и российская, и китайская — предполагали продолжение переговоров о размежевании на Памире. Китайская сторона позже неоднократно подчеркивала, что не считает «памирский вопрос» разрешенным, и, в частности, как уже отмечалось, не согласилась признать результаты русско-англо-афганского разграничения, которые были официально сообщены ей британской стороной в марте 1895 г. [32, с. 2].

В 1898 г. царское правительство, несмотря на протесты китайцев, утвердило временный пост в Ташкургане Сарыкольском, а с 1901 г. этот пост, уже с согласия китайской стороны, был сделан постоянным [33, с. 4].

* * *

Работы британских и российских путешественников, дипломатов и топографов по географическому изучению и картографированию Памира, бесспорно, способствовали развитию научных знаний об этой горной стране и ее жителях. В этом от-

ношении арене «большой игры» в известной мере повезло в XIX в. несколько более, нежели другим малоизученным районам: «холодная война» Англии и России около ста лет приковывала внимание ученых и читающей публики к Центральной Азии и Памиру. К сожалению, многие результаты таких исследований сохранялись в глубокой тайне вплоть до совсем недавнего времени, и это в полной мере относится к материалам географических исследований, связанных с деятельностью российско-британско-афганской комиссии по определению границы России с Афганистаном на Памире. Новейшие публикации по проблеме, введение в научный оборот неиздававшихся ранее документальных источников, связанных с историей геополитического противостояния в Центральной Азии в XIX в., дают современным исследователям много неизвестных ранее материалов как по истории внешней политики Британии, Цинской империи, Афганистана и России, так и по исторической географии районов формирования границы. Следует подчеркнуть, что материалы эти не утратили своего значения как источники, характеризующие природную среду и географические процессы на соответствующих территориях, даже для современных географов по той простой причине, что с момента проведения демаркационных работ географические исследования в приграничных районах в советское время практически исключались из-за особого режима охраны границы. Автор надеется, что его исследование будет способствовать расширению источниковой базы такого рода.

Литература

1. *Morgan G.* Anglo-Russian Rivalry in Central Asia: 1810–1895. London, 1981.
2. Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). ИДА. Ф. 701. Оп. 1. № 37 (1869 г.).
3. Public Record Office (PRO), Foreign Office Maps and Plans, F. O. 925/1996; F. O. 925/2249, Asia; F. O. 925/2113.
4. АВПРИ. ИДА. Ф. 701. Оп. 1. № 44.
5. India Office Library and Records (IOLR), MSS. Eur. F.111/115. Printed official correspondence respecting Central Asia, 1871–1888... Mr. Forsyth's Report, dated 2nd December 1870.
6. IOLR, MSS. Eur. F.111/144. Correspondence with Russia respecting Central Asia. Printed to both Houses of Parliament by Command of Her Majesty. 1873.
7. АВПРИ. ИДА. Ф. 701. Оп. 1. № 67.
8. IOLR, MSS. Eur. 111/19. 1882–1898. Articles and Essays.
9. British Library, Map Library, № 46900. (92): Map of a Portion of Central Asia Comprising the Countries between the Russian Possessions and British India (Lat. 34° to 44°, Long. 62° to 80° E.). Compiled at the Topographical Department of the War Office by E.G. Ravenstein, Capt. C.W. Wilson, R.E. Director, 1873.
10. *Herbert F.* «The London Atlas of Universal Geography» from John Arrowsmith to Edward Stanford: Origin, Development and Dissolution of a British World Atlas from the 1830s to the 1930s. *Imago Mundi: The Journal of the International Society for the History of Cartography*. Vol. 41. London, 1989.
11. IOLR, MSS. Eur. F. 111/690. The Military Geography of Afghanistan. Part I. Badakhshan. By Major E. G. Barrow, Indian Staff Corps. (Calcutta: Office of the Superintendent of Govern. Printing, India, 1893).
12. IOLR, MSS. Eur. F.111/688–699. Russia in Asia, Persia, Turkey, and Northern China. Summary of principal events... Simla, 1903.
13. IOLR, Maps, J. 26; H. 16.

14. IOLR, MSS. Eur. F. 111/328. North-West Trans-Frontier, 1885. Memorandum of information received during the month of March 1895, regarding affairs beyond the North West Frontier of India.
15. IOLR, MSS. Eur. F. 108/30. Copy of letters...
16. IOLR, MSS. Eur. F. 111/657. Report on the proceedings of the Pamir Boundary Commission.
17. IOLR, Maps, J. 39: Chart of Triangulation executed by the Pamir Commission Party. Survey of India, 1896.
18. RGS, LBR. MSS., № 4. 837/046132–837/046144: Holdich, Col. Sir T.H. Book of Rough Sketches on the Afghan Boundary Commission, 1895.
19. РГВИА. Ф. 404. Оп. 1. № 49. Л. 146–176: О геодезических, астрономических и топографических работах Туркестанского военно-топографического отдела за 1895 г.
20. Cook, Andrew S. Maps from a Survey Archive: the India Office Collection // The Map Collector. Sept. 1984, issue No. 28. P. 27–32.
21. IOLR, MSS. EUR. F. 108/36. G. White. Letters to White. General Gerard's letter. Camp Mihmaujuli 2/9 1895.
22. Holdich, T. Hungerford. Indian Borderland. New Delhi, 1901.
23. Факсимильное издание: Holdich, T. Hungerford. Through Central Asia. New Delhi, 1996.
24. Holdich, T. Hungerford. The Gates of India; Being a Historical Narrative. London, 1910.
25. Holdich, T. Hungerford. Pamirs. Encyclopaedia Britannica, 655–7. 11th ed. Vol. 19. New York: Encyclopaedia Britannica, 1911.
26. Holdich, T. Hungerford. Political Frontiers and Boundary Making. London, 1916.
27. IOLR, MSS. Eur. F. 111/657. Report on the proceedings of the Pamir Boundary Commission, by Major-General M. G. Gerard, C. B., C. S. I., her Britannic Majesty's Commissioner; Colonel T. H. Holdich, C. B., C. I. E.; Lieutenant-Colonel R. A. Wahab, R. E., and Surgeon-Captain A. W. Alcock, M. B. 1896. (Calcutta: Office of the Superintendent of Government printing, India, 1897).
28. IOLR, MSS. Eur. F. 111/657. «Report on the proceedings of the Pamir Boundary Commission»: Map to illustrate the Report on the proceedings of the Pamir Boundary Commission 1895. (Scale 1:506880). Photo-Lithographed at the Survey of India Office. (Calcutta, March 1898); map of the Country on both sides of the Boundary line drawn by the joint commission for delimiting the Russian and Afghan territories on the Pamirs 1895, reduced from the original map on the scale of one inch to 5 versts signed by Commissioners. Lithographed at the I.D.W.O., April, 1896. Рукописная копия последней карты сохранилась также в Картографической коллекции Королевского Географического общества, см.: RGS, Asia-Spec. 208.
29. IOLR, MSS. Eur. F. 111/329. North-West Trans-Frontier, 1896.
30. АВПРИ. Ф. Китайский стол. № 1172.
31. АВПРИ. Ф. Трактаты. Оп. 466(2)/дополнительная/. № 62.
32. IOLR, MSS. Eur. C. 1.
33. IOLR, MSS. Eur. C. 3.